

Антон О'скоттский

Змей Горыныч и Клубок Судьбы

16+

АНТОН О'СКОТТСКИЙ

Змей Горыныч и Клубок Судьбы

«ЛитРес: Самиздат»

2019

О'скоттский А.

Змей Горыныч и Клубок Судьбы / А. О'скоттский — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Учиться, учиться и еще раз учиться! Но как же неохота корпеть над учебниками и тетрадями изо дня в день! Особенно когда за окном весна в самом разгаре, а тебе всего четырнадцать! Юный наследственный чародей Иван решается забросить надоевшую науку и отправиться в путешествие. Получив дары отцовские и напутствия материнские, юноша чертит пентаграмму перехода и оказывается совсем не там, куда собирался. К тому же Иван попал не в свое время. Но и это не самое страшное. Страшнее всего, что юноша оказался заперт в Городе-у-Топи и в четверг, повторяющемся раз за разом.

© О'скоттский А., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Часть первая.	5
Рыбный день.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Часть первая.

Рыбный день.

– Ваня! Ванюша! Ну куда же ты! Как же так!... – неслись женские причитания из окна светлицы на втором этаже терема.

– Иван! Немедленно вернись! – вторил им строгий мужской голос.

Иван выскочил на высокое крыльцо, хлопнул дверью. Следует отметить, что для этого ему пришлось хорошенько поднатужиться: дверь была толстая, дубовая, а сам Иван был тонок и невысок. Собственно, как и большинство юношей его возраста. Особенно, если ты сын уважаемого чародея, а не кузнеца или мельника. У тех-то мускулатура посерьезней будет – вполне хватит, чтобы дверью как следует хлопнуть. С другой стороны, какой кузнец позволит отпрыску хлопать дверями! Так дверей не напасешься!

Но Иван, повторимся, был сыном чародея. Мехи кузнечные ему не приходилось качать, жернова мельничные менять тоже не доводилось. Зато следовало ему страницы книжные переверачивать. Да не просто переверачивать, а запоминая все на них написанное, а порой и нарисованное. И картинки эти были совсем не как в детских книжках. И вовсе не как в приключенческих томах про славных витязей и прекрасных принцесс, что сочиняют для развлечения высокородных бездельников. В толстенных талмудах, что выпало прочесть Ивану, никаких приключений не было и быть не могло. Здесь были учебники и научные труды по магии, волшебству, чародейству и тому подобному. Самое большое приключение, которое можно пережить, вчитываясь в пожелтевшие страницы – смерть. Точнее предупреждение, как ее избежать, составляя заклинания, зелья, вычерчивая пента-, септа- и прочие граммы.

Ну кому охота сидеть над книгами, когда за окном в самом разгаре весна! Тем более, если это твоя четырнадцатая весна. Вот Иван и не усидел.

Началось все с солнечного зайчика, невзначай заскочившего в библиотеку. Яркое пятнышко сначала примостилось на корешке толстого труда Якова Хилого «Знание = Сила», затем метнулось к гобелену, изображавшему заключительную фазу призыва какого-то демона, и наконец устроилось на столешнице у самого локтя Ивана. Юноша в тот момент тщательно перерисовывал сложную пентаграмму телепортации. Это была уже двенадцатая попытка за утро. И она тоже закончилась провалом. Юноша скосил глаза на солнечного зайчика, рука непроизвольно дрогнула, и завершающая линия заволновалась и не достигла конечной точки. Раздосадованный, Иван прошептал несколько звуков. Шторы на окне сами опустились. Сама собой вспыхнула лучина. Он макнул перо в чернильницу и начал труд заново.

Но не тут-то было! Тишину библиотеки нарушило мерное жужжание. Редкая муха рискнет проникнуть в дом чародея. Тем более в библиотеку. Видимо, это была неопытная, молодая весенняя муха, не до конца проснувшаяся и уж наверняка не готовая к таким приключениям. Покружив среди полок с книгами, насекомое не нашло себе лучшего места, чем кончик пера, которым Иван с тщанием выводил рисунок на бумаге. На этот раз юноша не поддался соблазну отвлечься. Рука уверенно вела прямую к последней точке. Все, пентаграмма готова! Точь-в-точь, как нарисовано в книге! Иван выпустил воздух сквозь стиснутые зубы. Муха, явно почувствовав, что труд завершен, и больше ей здесь помешать не удастся, почистила крылышки и приготовилась к взлету.

Этого Иван ей не собирался позволять. Хищно улыбнувшись, он начал читать заклинание, соответствующее только что нарисованной им пентаграмме. Муха заволновалась. На последнем слове юноша стряхнул муху с пера в центр рисунка. Увы, вместе с мухой в пента-

грамму полетела капля чернил. Клякса! И какая клякса! Брызги во все стороны! Муха как ни в чем не бывало зажужжала и унеслась по каким-то своим совершенно неотложным делам.

А Иван приступил к рисованию очередной пентаграммы. Ну, почему нельзя сразу начертить ее на полу мелом, встать в центр, назвать точку назначения и переместиться, куда пожелаешь?! Эта неожиданная мысль так потрясла юношу, что он на несколько мгновений застыл над рисунком. Действительно, почему бы и нет! Он еще раз внимательно прочитал инструкцию. Вроде, все верно запомнил. Тогда...

Выходя из библиотеки, Иван столкнулся с матерью.

– Уже закончил? – удивилась она.

Юноша пробормотал что-то под нос.

На лестнице путь ему преградил отец:

– Ну, как, получилось? – строго поинтересовался он.

– Вроде бы, – попытался проскользнуть мимо Иван.

– Вроде бы, значит нет. Закончи урок.

– Да надоели вы с вашими уроками! – неожиданно даже для себя взъярился Иван, – утром уроки! Вечером уроки! Зимой уроки! Я гулять хочу!

– Закончишь урок – и гуляй себе на здоровье.

– Надоело! – повторил юноша и напролом ринулся вниз по лестнице.

– Ты куда?! – рассердился отец.

– Куда-нибудь! – не оборачиваясь бросил Иван, – я теперь сам могу...

Конец фразы заглушила хлопнувшая дверь.

С минуту юноша стоял на крыльце, ожидая, когда вслед за ним выскочат из терема родители, чтобы до конца высказать им все накипевшее за время учебы. Но ни отец, ни мать не торопились. Досада и гнев начали потихоньку проходить. Мать продолжала причитать, однако отец уже не кричал. Вскоре и мать успокоилась.

На всякий случай Иван спустился с крыльца и развернулся лицом к двери. Ему казалось, что так он будет выглядеть внушительнее, серьезнее. Для большего впечатления он сжал губы и попытался насупить брови.

Ждать пришлось довольно долго. Когда дверь наконец отворилась, юноша уже утратил былую уверенность и твердость. Первым вышел отец. Шел он медленно, осторожно, опираясь на узловатый ясеневый посох. Навершие посоха слегка светилось, пульсируя желтым и оранжевым.

– Зачем же так крепко запечатывать дверь? – укоризненно проговорил отец, – мы же не враги тебе.

– Да я... не...

– Ясно, сам не понял, что сделал. Ну, ничего, может, потом разберешься. А знаешь, я ведь тоже таким был. Да, пожалуй, не только я, – он подмигнул Ивану, – все мы добываем опыт самостоятельно. И только набив шишек, обращаемся к опыту чужому. Видать, пришло твое время совершать ошибки и добиваться успеха. Коль уверен в своих силах, ступай. Но я бы на твоём месте принял дары отцовские и напутствия материнские.

Иван от удивления разинул рот. То есть вот просто так его отпускают? Можно все? Никаких больше уроков? Делай, что хочешь? Да не может такого быть! Он склонил голову, не веря такой удаче.

– Да, – подтвердил отец, – ты уже кое-что умеешь, так что не пропадешь в пути. Запомни только одно: не оставляй за собой незавершенных дел. Они догонят тебя в самый неподходящий момент и потребуют завершения. Теперь, если ты не слишком торопишься, дождись, пока мы с матерью соберем тебя в дальний путь.

Ждать пришлось недолго. Во всяком случае, ошарашенному Ивану так показалось. Отец вернулся, неся потрепанную котомку и посох. Не свой, поменьше, полегче, но тоже выдавший виды:

– Здесь ты найдешь все, что потребуется. Это котомка «БМВ х5» – большемерное вместиле с пятью измерениями. Не смотри, что неказиста. Меньше внимания – целее будет. Пользоваться просто: засунул руку, представил, что тебе нужно – достал. Только смотри, чтоб в горловину пролезало! Порвешь – не починишь. Теперь таких не делают. Как с посохом обращаться, надеюсь, разберешься сам.

Он вручил юноше подарки и крепко обнял:

– Удачи тебе, сын!

На пороге появилась мать. Ее руки тоже не были пусты. Она осторожно спустилась с крыльца и стала передавать юноше предметы по одному. Маленький самострел, большой мешок, мыло, зубной порошок, щетку, гребень, подозрительно булькающий мех... Отец укоризненно смотрел на нее, но помалкивал. Иван также молча протянул отцу посох и принялся засовывать все в только что подаренную котомку. Мать же тем временем напутствовала:

– Попусту не ввязывайся в драки, войны, ограбления. Особенно не лезь на рожон и на абордаж! В притоны и игорные дома не суйся без нужды. Да какая у тебя нужда в них случиться может? Не обижай сирот. Болты береги – в пути не добудешь! Без закуски крепкое не пей – очень вредно это. И самое главное. Хода нет – ходи с бубей.

Руки матери наконец опустели, и она тоже смогла обнять сына на прощанье.

– Ну, рисуй пентаграмму, – отец протянул Ивану посох, – в добрый путь!

Дома волшебников всегда четко сориентированы по сторонам света, так что проблем с розой ветров – основой пентаграммы перемещения – не возникло. Вопросом для Ивана стало, куда направить указующий луч. Легкий посох замер и нерешительно покачивался в руке юноши.

– Смелей! – подбодрил отец, – ты же можешь отправиться куда угодно!

– Но попасть-то я должен в какое-то конкретное место. Например, в Красенград.

– Так укажи его направление – и в путь!

Юноша решил и быстрыми движениями завершил чертеж. Ступил в центр, шепотом произнес непонятные слова и исчез.

– Куда же он отправился? Он там наверняка пропадет! – мать прижимала руки к груди.

Отец внимательно рассматривал оставшуюся пентаграмму:

– Вектор задан довольно точно, а вот расстояние сильно преувеличено. Зря мы напирали исключительно на магию. Надо было и другими науками заниматься. Ну, ничего, географию лучше изучать путешествуя.

Телепортацию открыли задолго до рождения Ивана. Первым волшебникам, использовавшим мгновенное перемещение, приходилось нелегко. Важно было не только указать направление, но и вычислить точное место появления. Не один чародей в результате неточных расчетов заканчивал свой путь в стволе дерева или замурованным в скалу. Неудивительно, что вслед за отправными пентаграммами появились и принимающие.

В центре одной из них и очутился Иван. Он стоял на каменной плоскости, иссеченной прямыми и прерывистыми линиями. Вокруг волновались высокие травы. За травами высились горные пики. Картина ничуть не походила на лесные чащи, окружающие Красенград. Юноша забеспокоился. Он потоптался на месте, осматриваясь, и различил наконец вдали город. Ну, не то, чтобы город – городок. Без стен, без сторожевых башен, зато с высокими каменными домами с остроконечными крышами.

– Это точно не столица, – проговорил Иван, – ну, хотя бы узнать, где я очутился-то надо!

И он уверенно направился к городку прямо через луг.

Идти пришлось дальше, чем показалось сначала. Пока Иван спускался с зеленого холма и искал дорогу или на худой конец тропинку, ведущую к городку, он успел проголодаться. Тропинку юноша в конце концов обнаружил. Она вилась у подножия холма, огибая его по кругу и упиралась в калитку. Поразило Ивана отсутствие забора – калитка просто стояла на тропинке и была распахнута настежь. Рядом красовался плакат. Выгоревшая на солнце надпись на серых от времени досках приветствовала: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ГОРОД НАШ!» Название городка не значилось.

Иван пожал плечами и двинулся дальше. Несмотря на теплую солнечную погоду, улицы оказались пустынными. Редкие прохожие торопились по своим делам. И лишь на площади, в которую уперлась улица, стоял странный человек в синих одеждах, фуражке и с дубинкой на поясе.

Иван в нерешительности замер на краю площади. Человек в синем подозрительно покоился на юношу, обождал с минуту и двинулся навстречу. У Ивана появилось предчувствие, но какое именно, юноша с уверенностью определить не мог. Необычный горожанин тем временем остановился в шаге от юноши и приложил ладонь к фуражке:

– Добренький денечек! Приглядывающий Сокол. Как звать? Почему не при деле?

– Иван, – опешил Иван, – а при каком деле я должен быть?

– При порученном, – четко ответил приглядывающий. Понятнее не стало.

– А... кто должен мне это дело поручить?

– Общество!

– Прошу прощения, – совсем растерялся юноша, – но мне общество не поручало пока что никаких дел...

– Это легко исправить. Отправляйся в общественную приемную и попроси поручить тебе дело, с которым справишься.

– А где эта... приемная?

– Ты, что, не местный? – брови приглядывающего поползли вверх.

– Ну, как бы, да, – Иван развел руками, – раньше я жил с родителями в тереме на отшибе.

А теперь...

– А теперь ты попал в город Наш! – обрадовался Сокол, – и наверняка пожелаешь здесь остаться и стать гражданином и частью Общества! Станешь приносить пользу Обществу, а Общество станет делиться с тобой своими благами. Как только пользы принесешь достаточно, Общество подберет тебе подходящую пару, и вы вместе создадите новую ячейку Общества. Будете жить долго и счастливо до самой пенсии...

– До чего?

– До пенсии, – повторил приглядывающий, – это когда ты принес Обществу достаточно пользы, чтобы перестать быть постоянно при деле. Можно отдыхать и передавать опыт следующему поколению членов Общества.

– Я не уверен, что хочу именно этого.

– Да ты просто еще не вкушал всех благ Общества! У нас тут нет частной собственности – все общественное! Общественное жилье, общественный транспорт, общественное питание, общественные бани... короче, все общественное!

– Даже туалеты?!

– Даже туалеты! – радостно кивнул приглядывающий.

– Может, я все-таки сначала посмотрю все, освоюсь, а уж потом...

– Разумеется! Чтобы тебе все показали и объяснили, иди в общественную приемную и попроси выделить тебе проводника. Я бы и сам тебе все показал, но сейчас я на посту. Хотя, если ты подождешь, через полчаса я освобожусь. Да, так, пожалуй, будет правильно. Ты, Иван,

наверняка проголодался. На той стороне есть общественная столовая – пойди пообедай. А я, как только сменюсь, сразу за тобой и приду.

Удачная идея настолько обрадовала приглядывающего Сокола, что он лучился улыбкой – случись сейчас незапланированное солнечное затмение, темней не стало б.

Столовая, как ее назвал Сокол, действительно обнаружилась на противоположной стороне площади. Правда, Ивану пришлось больше ориентироваться по запаху. Не сказать, что пахло вкусно. Но и не противно. Пахло... едой. Преимущественно жареной рыбой. Небольшая деревянная табличка обнаружилась у самого входа. Надпись сообщала, что здесь находится «Общественная столовая города Наш №1». Иван толкнул застекленную дверь и очутился в полумраке просторного помещения. Свет сюда проникал сквозь плохо вымытые окна и косыми лучами падал на ряды квадратных столов, застеленных некогда бывшими белыми скатертями. На каждом столе красовались солонка, перечница и баночка с подозрительной коричневой массой.

Когда глаза юноши привыкли к полумраку, напротив входа обнаружилась длинная доска, отделяющая от зала небольшой закуток. Здесь стояли несколько больших котлов и простой деревянный стул. На стуле скучала толстая некрасивая тетка в переднике и чепчике, не отличавшихся белизной от скатертей на столах. На вошедшего посетителя тетка даже не взглянула.

Иван был удивлен таким приемом. Ничего не понимая, он подошел к ней:

– Здравствуйте! Мне бы поесть.

– Чего будешь? – скучающе поинтересовалась тетка, не поднимая взгляда на Ивана.

– Борщ, отбивные с картошкой...

– Только рыба, – безразличным тоном отрезала она, все также не поднимая взгляда.

– А что, мяса вообще нет?

– Только рыба, – интонация показала Ивану еще более скучающей. Хотя, казалось, куда уж можно скучнее!

– Но почему? – удивление юноши росло с каждым новым ответом.

– Четверг, – непонятно объяснила тетка.

– То есть, получается, в среду мясо есть, в пятницу есть...

– В пятницу только овощи, – все также безразлично перебила тетка.

– Как?!

– В понедельник курица, во вторник говядина, в среду свинина, в четверг рыба, в пятницу постный день. Что тут непонятного?

– А в выходные?

– В выходные не работаем. Общественная кухня.

Понятнее не стало. А тон, которым отвечала тетка, не вызывал желания продолжать расспросы. Иван тщательно принахался. Рыбы не хотелось.

– Я, наверное, в другую столовую пойду...

– Там тоже рыба. Ты есть собираешься? – тетка наконец посмотрела на посетителя.

Взгляд этот не предвещал ничего хорошего.

– Буду, – торопливо кивнул тот, – а что есть?

– Уха, карась жареный, гарнир – рис.

– И все?!

– Могу леща дать.

Леща почему-то особенно не хотелось.

– Ладно, давайте, что есть, – тяжело вздохнул Иван.

Тетка оперлась о прилавок и тяжело поднялась:

– Поднос и ложки там, – она ткнула пальцем в дальний край доски, отделяющей остальной мир от нее, – компот наливать?

Юноша обреченно кивнул.

Уха оказалась на удивление вкусной. Жареный карась укоризненно смотрел на Ивана немигающим глазом. Иван тоскливо ковырял его бок деревянной ложкой, когда дверь распахнулась и в проеме появился приглядывающий Сокол.

– Чем сегодня попотчешь, тетушка Гусыня? – с порога поинтересовался он.

– Сам знаешь, четверг, – неожиданно для Ивана в голосе тетки прорезались одновременно ласка и сварливость.

– Четверг – не среда! – радостно согласился Сокол, подходя к стойке за подносом, – но ведь и не пятница! Давай и ушечки, и леща!

С нагруженным подносом приглядывающий подсел к Ивану, посмотрел на грустящего в его тарелке карася и вновь повернулся к тетке, собравшейся опять заскучать за прилавком:

– Что ж ты, тетушка Гусыня, гостя иноземного карасем-то угощаешь?

– Так откуда ж мне знать, что он гость?! Да еще и иноземный! Говорит по-нашему, одет прилично. А леща я предлагала – сам отказался.

– Да-да, спасибо, – сконфузился Иван.

– Зря стесняешься, – подмигнул Сокол, – ты не представляешь себе, как вкусно тетушка Гусыня леща запекает! На, попробуй! – он придвинул Ивану свою порцию, – Уже ради него стоит четверга ждать!

– А ради чего еще?

– Например, ради пятницы, которая сразу же за четвергом. А там уж и выходные близко!

– Какие еще выходные?! – удивился Иван. Дома не работали только по праздникам, да и то лишь по общегосударственным. Всем известно: лето зиму кормит и греет. Вот каждый и старается как можно больше успеть пока тепло да сухо. Неужто, в этом странном городе по-другому? Или здесь зимы не бывает?!

– Выходной – это, когда не обязательно приносить пользу Обществу, а наоборот, можно счастливо вкушать его плоды. Общественная баня по субботам, общественная кухня, приобщение к культуре, – Сокол мечтательно прикрыл глаза, – и все это уже послезавтра! Послезавтра мы пойдем в город!

– А сегодня?

– А сегодня я покажу тебе, Иван, как мы тут живем. Только сначала заскочим в общественную приемную.

– Зачем?

– Как зачем? – удивился Сокол, – нужно тебя зарегистрировать, чтобы уже завтра ты смог начать приносить пользу Обществу. Ну, и мне заодно отметить, как добровольному проводнику. У нас добровольность приветствуется и ценится. Пойдем?

Он составил неожиданно быстро опустевшую посуду на поднос и направился с ним обратно к стойке. Иван последовал его примеру.

– Сколько я должен?

– Чего? – не понял его Сокол.

– Ну, заплатить за обед...

– Чудак! – улыбнулся приглядывающий, – здесь же все общественное!

Общественная приемная находилась здесь же, на площади. У входа висела табличка, аналогичная той, что украшала столовую. Не стуча, Сокол распахнул дверь и жестом пригласил Ивана следовать за собой.

Они очутились в коротком коридоре, из которого вели три двери. На каждой висела табличка. Сначала приглядывающий заглянул в дверь с надписью: «Служба учета». Там, видимо, никого не было, поэтому Сокол развернулся и вошел в противоположную ей «Службу занято-

сти». Ивана он с собой не позвал. Юноша недоуменно повернулся к третьей двери и прочел: «Общественный деятель».

Больше он ничего не успел – вернулся Сокол. Приглядывающий вновь вошел в «Службу учета» и позвал юношу с собой:

– Сейчас запишем тебя и пойдем в город. Садись, – он указал на стул, придвинутый к широкому столу. Стол разделял комнату напополам. С противоположной стороны тоже стоял стул, который занял Сокол. За его спиной высился шкаф с множеством ящичков, помеченных буквами. Приглядывающий выдвинул букву «И», достал бланк, макнул перо в чернильницу и стал быстро заполнять. Всего раз он поднял взгляд на Ивана:

– Какой сегодня день? Ах, да, четверг...

Сделав необходимые пометки, Сокол выдвинул ящик стола, достал оттуда большую печать, поставил оттиск. Отправив печать и бланк на свои места, он поднялся:

– Ну, вот и все. Поздравляю, ты гражданин Нашего города! Теперь можно отправляться, – и вышел из-за стола.

– А мне не полагается какой-нибудь документ? – удивился Иван.

– А зачем? Я тебя знаю, с остальными познакомишься послезавтра.

– А завтра?

– Завтра зайдешь в службу занятости, попросишь подыскать себе подходящее занятие, чтобы приносить пользу Обществу. А послезавтра мы пойдем в город, – он подмигнул Ивану.

Экскурсия пролетела быстро. От площади вели всего четыре улицы. Больше улиц в городе не было. Приглядывающий Сокол показал Ивану общественную ратушу с часами, общественную баню, общественное хранилище инвентаря, пояснив:

– Сюда ты отправишься завтра, после того, как тебе выдадут общественно полезное дело.

Общественный туалет показывать не пришлось. Иван обнаружил его самостоятельно. По запаху. И не преминул им воспользоваться. После чего решил постараться избегать это заведение.

Три улицы выходили на окраину и заканчивались калитками, распахнутыми настежь. Четвертая улица упиралась в небольшой двухэтажный особняк. Эту достопримечательность приглядывающий Сокол приберег напоследок. Они остановились на почтительном расстоянии.

– Не подходи слишком близко. Он не любит, когда его тревожат, – тихо проговорил Сокол, – это наша достопримечательность. Антиобщественный элемент. Его имя не принято произносить вслух. Хорошо, что и он не стремится в наше Общество. Он опасен! Запомни это, Иван.

– Почему вы не хотите принять его в свое Общество?

– Общество радо всем и каждому. Он сам не хочет стать членом Общества. Мы и не настаиваем. Наше Общество самое справедливое и гуманное в мире!

Они развернулись и вновь направились к площади. Часы на общественной ратуше пробили пять раз. Через несколько мгновений улица наполнилась людьми. Они выходили из мастерских, неся инструмент и готовые изделия. И все шли к площади, сливаясь с людьми с других улиц. И весь поток, шумный, гомонящий, тек к общественному хранилищу. Отсюда люди, избавившись от своей ноши, разбредались по городу. Кто-то шел в общественную столовую, некоторые шли в общественный клуб, иные направлялись к общественной бане. Но больше всего людей спешило в общественные туалеты.

– Еще один день закончился! – обрадовался Сокол, – пойдем к тетушке Гусыне. У нее превосходный рыбный торт!

До позднего вечера Сокол рассказывал Ивану о городе и как прекрасно жить в Обществе. Сначала они сидели в общественной столовой. Потом тетушка Гусыня строго заявила, что пора закрываться, и им пришлось переместиться на улицу. Они снова отправились гулять

по городку. Соколу явно нравилось рассказывать все подряд. Иван оказался благодарным слушателем. Стемнело, когда они вновь оказались на центральной площади.

– Скоро полночь, пойдем спать – завтра новый день!

– Куда ж мне идти?

– Да, незадача. Записать-то тебя я записал, а, чтобы определить на ночлег, нужно решение общественного совета. А, была не была! Идем ко мне, завтра разберемся, – он махнул рукой и повел Ивана с площади.

Утро ознаменовалось пробуждением. Далеко не самым приятным из всех, какие успел пережить Иван. Его трясли.

– Доброе утро, Сокол! – Иван открыл глаза.

– Добренькое утречко! – приглядывающий ошарашенно замер и уставился на юношу, – ты... кто такой?

– Иван. Ты меня вчера сам пригласил.

– Что-то не припоминаю. Вчера какой день был?

– Четверг, – удивление Ивана росло с каждым вопросом.

– Тогда сегодня какой?

– П... – губы отказались произнести «пятница».

– П...? – было заметно, что Соколу это слово тоже не дается, – зачем ты меня путаешь!

Сегодня четверг! Пятница завтра. А послезавтра мы пойдем в город.

Приглядывающий облегченно вздохнул. Иван заподозрил неладное. Четверг точно был вчера, он помнил. Значит, сегодня должна быть пятница. Почему же опять четверг?!

Додумать он не успел. Сокол стремительно одевался:

– Поторопись, а то все самые общественно полезные дела расхватают! Все, я побежал, а ты спешу в общественную приемную, – и пулей вылетел за дверь.

Юноша решил воспользоваться советом приглядывающего и тоже поторопился.

В общественной приемной он ожидал увидеть очередь желающих принести пользу Обществу. Однако в коридоре было пусто.

В службе занятости его встретил старичок в очках и круглой шапочке. Он близоруко посмотрел на вошедшего и продолжил что-то записывать в толстую тетрадь. Иван мялся на пороге. Хозяин кабинета закончил писать и вновь уставился на юношу:

– Что угодно?

– Хочу приносить пользу Обществу.

– Что умеешь?

Вопрос поставил Ивана в тупик. С одной стороны, он владел чародейским мастерством. Но с какой стати распространяться о своих способностях? С другой стороны, больше ничего Иван толком не умел. Признавать такое состояние дел не хотелось. Но куда деваться?

– Я все могу, – решительно заявил он.

– Прекрасно! – обрадовался старичок, – тогда иди на площадь, там как раз построение и раздача общественно полезных поручений. Сам сможешь выбрать дело по способностям и по интересам.

– Сокол велел мне прийти именно сюда, – растерялся Иван.

– Ах, Сокол, – еще шире улыбнулся старичок, – всегда он норовит переложить свою работу на чужие плечи. Я же могу определить, какой труд будет максимально полезен Обществу, исходя из конкретных способностей и желаний. Кто может все, волен самостоятельно выбирать себе дело. Разумеется, из списка необходимых на сегодня. А список этот у приглядывающего Сокола. Так что, ступай к нему и выбери подходящее именно тебе. Удачи!

Разочарованный Иван покинул общественную приемную. Перед входом уже собралась небольшая толпа. Затрапезного вида горожане тихо переговаривались. Юноша встал поодаль, ожидая появления приглядывающего. Сокол не заставил себя долго ждать.

– Добренькое утречко! – приветствовал он собравшихся, появляясь из дверей общественной приемной. В руке он держал папку.

Люди торопливо выстроились в не очень ровную шеренгу. Иван понял, что ему следует занять в ней свое место. Сокол окинул строй неприветливым взглядом:

– Ну, граждане алкоголики, тунеядцы, хулиганы, кто хочет сегодня поработать?

Желающих не было. Во всяком случае, Ивану так показалось.

– На сегодня наряды: песчаный карьер – два человека, – приглядывающий подождал, но добровольцев не нашлось, – карьер песчаный – два человека!

– Огласите весь список, пожалуйста, – послышался надтреснутый голос из шеренги.

– Песчаный карьер – два человека, уборка улиц – три человека, скотобойня, – неожиданно весь строй сделал дружный шаг вперед, – на сегодня нарядов не прислала.

Так же дружно вся шеренга отступила обратно. Сокол строго посмотрел на них:

– Есть наряд на строительство дома, кирпичная мастерская... Желающие есть?

Желающих по-прежнему не было.

– Значит, так, – приглядывающий принялся указывать наугад, – кирпичная мастерская, погрузка угля, уборка конюшен...

Наконец очередь дошла до Ивана. Приглядывающий в нерешительности замер перед ним. Сверился с бумагами, недоуменно посмотрел на юношу:

– На сегодня больше не осталось общественно полезных дел. Но ведь это не дело, когда человек без дела! Сейчас что-нибудь придумаем. Жди здесь, – Сокол еще раз внимательно осмотрел Ивана, – и что ты все время таскаешься с этой палкой?

– Это... кисть, – нашелся юноша.

– Кисть, – задумчиво повторил приглядывающий, на лице его отобразилась радость, – что ж ты раньше не сказал! Я быстро, – и скрылся в общественной приемной.

Через минуту он вернулся и повел Ивана к общественному складу. По дороге Сокол радостно тараторил:

– Сказал бы сразу дедушке Лосю, что ты маляр, не пришлось бы столько ждать. У нас тут заборов некрашенных, – он закатил глаза, – сейчас дадим тебе побелку, ведро, кисть... ах, да, кисть у тебя уже есть... неоценимая польза Обществу!

Иван в душе ликовал. Ему удалось выкрутиться из непростой, казалось, ситуации. Теперь он перестанет выделяться среди горожан, заработает уважение Общества, а послезавтра вместе с Соколом они пойдут в город. Стоп! Если вчера был четверг, сегодня снова четверг, то завтра...

Страшная мысль посетила голову юноши. Завтра не наступит никогда. А уж послезавтра тем более! Если здесь вечный четверг... Иван похолодел. Бежать! Бежать из этого проклятого городка вместе с его непонятным Обществом! Решение далось легко, вселив в юношу радость.

За размышлениями он ничего не замечал, и, когда мысль о побеге сформировалась, Иван обнаружил себя стоящим перед забором с ведром побелки в одной руке и посохом-кистью в другой.

Он окинул взглядом забор, и радость в одно мгновение улетела у него из души. И там воцарилась тоска. Тридцать саженей деревянного забора полуторасаженой вышины! Жизнь показалась бессмысленной, существование – тяжелой ношей. Со вздохом обмакнул он кисть в известку, провел ею по верхней доске, потом проделал то же самое снова и остановился: как ничтожна белая полоска по сравнению с огромным пространством некрашеного забора! В отчаянии Иван опустился на землю. Не так он представлял себе принесение пользы Обществу, не так.

Мимо вприпрыжку пробежал мальчишка с жестяным ведром. Иван проводил его взглядом. Тоже приносит посильную пользу Обществу. А ему, Ивану, сейчас нужно думать не о пользе Обществу, а о побеге. Он снова уставился на забор, на ведро с побелкой, на кисть, прислоненную к забору. Не на кисть – на посох! И почему эта мысль не пришла ему в голову раньше? Он же волшебник, чародей! А волшебникам не положено красить заборы! Волшебникам положено...

Юноша принялся мысленно составлять заклинание. Слова подбирались с трудом, чтобы не забыть, удачные обороты он записывал палочкой в пыли. Удивительно, все уместилось в коротенькую строчку. Иван перечитал, проверил все знаки препинания и поставил точку.

Посох, временно преобразованный в кисть, взмыл в воздух, сам обмакнулся в ведро и сам провел по забору белую черту. И снова, и снова, и еще раз. Иван удовлетворенно наблюдал за процессом, одновременно изобретая различные способы покинуть Наш город. Первым напрашивалось элементарно телепортироваться, переместиться отсюда куда угодно, а дальше разбираться на месте. Если не получится... хотя разве может не получиться?! И все же. Если не получится быстро, значит, нужно просто уносить ноги. Идти в горы, найти людей и спросить у них дорогу. У местных жителей дорогу спрашивать Иван теперь опасался.

Пока Иван размышлял, на заборе оказалось три слоя известки! Если бы известка не кончилась, слоев было бы больше – Иван по неопытности не внес в заклинание ограничение. Поэтому посох-кисть трудился, пока не закончилась побелка, и лишь тогда вновь прислонился к забору. Выглядел он несколько усталым, но готовым, если понадобится, продолжить трудиться на благо Общества в целом и Ивана в частности. В том числе, как представителя Общества.

Некоторое время Иван не двигался с места; он размышлял над той существенной переменной, какая произошла в его жизни, а потом подхватил посох и направил свои стопы к окраине города – воплощать в жизнь планы побега.

Только что покрашенный забор к радости юноши находился на той же улице, по которой он накануне вошел в город. Иван миновал калитку, все также распахнутую настежь, и очутился у подножия холма. Он сразу же вспомнил, как начертить пентаграмму перехода, и что для этого необходимо точно привязать ее лучи к сторонам света. Что может быть проще! Ведь на холме – принимающая пентаграмма. Она тоже строго сориентирована и высечена в камне.

Карабкаться вверх через густую траву оказалось не так просто, как спускаться. Но вот он запыхавшийся стоит у плиты. Вот он уже расчистил от травы достаточно места, чтобы приступить к чертежу. Вот готовая звезда о четырех лучах, и Иван в самом ее центре. Осталось указать направление. Теперь короткое заклинание...

Иван стоял в центре принимающей пентаграммы на вершине холма. Вокруг были горы, а невдалеке виднелся подозрительно знакомый городок. Юноша неуверенно озирался. Взгляд его наткнулся на островок голой земли рядом с каменной плитой принимающей пентаграммы. На земле была начерчена отправная пентаграмма. Им же самим только что начерчена! Ивана пробил холодный пот.

Он сошел с плиты, подошел к собственному рисунку. Осмотрел. Стер, начертил по новой. Только на этот раз указал иное направление. Встал в центр, произнес заклинание.

И вновь очутился на вершине холма.

Еще одна попытка увенчалась провалом. Он снова и снова чертил пентаграмму, указывая различные направления и дальности. И каждый раз возвращался на прежнее место. Магия не работала! Вернее, она работала, но не срабатывала!

Вдалеке послышались удары колокола. Звонили часы на городской ратуше. Пять ударов. Рабочий день закончился. Понурился, Иван вернулся на центральную площадь. Хотелось есть. Не задумываясь, Иван направился в общественную столовую.

На этот раз здесь было людно. Тетка, тетушка Гусыня, суетилась за прилавком, разливая уху и раскладывая жареных карасей по тарелкам.

– Здравствуйте, тетушка Гусыня! Только рыба? – улыбнулся Иван.

– Только рыба, – кивнула тетка, – зато ее много! Не наешься – добавки проси, не стесняйся.

– А можно сразу две порции ухи? Уж больно вкусная она!

– Конечно можно! Кушай, птенчик! – неожиданно улыбнулась она и мгновенно поставила Ивану на поднос две глубоких миски, исходящих рыбным ароматом.

После неудачной попытки покинуть Наш город Ивану хотелось поговорить с кем-нибудь, желательно хоть чуточку знакомым. Он обвел взглядом зал и наткнулся на Сокола. Тот уже заметил Ивана и призывно махал рукой, указывая на свободный стул напротив.

– Ну, как настроеныце? Нравится приносить пользу Обществу?

– Раньше я представлял себе это по-другому.

– Как же?

– Ну, например, врач лечит больных, кузнец кует... подковы, скажем. Пахарь пашет, охотник охотится. А потом они меняются своими...

– Так у нас так и есть! – радостно перебил приглядывающий, – просто система обмена доведена до совершенства. Вся продукция отправляется на общественный склад, а оттуда распределяется по потребностям и по возможности. Еда, например, отправляется в общественные столовые. Там ее готовят, и каждый получает свою порцию. Так что никто не уйдет обиженным!

– А как быть, если я считаю, что могу принести больше пользы обществу, а мне приходится, например, заборы красить?

– Сходи в общественную приемную и сообщи об этом. Там наверняка найдется дело по тебе. А если ты еще и добровольцем вызовешься, то честь тебе и хвала! И бонусы.

– Какие еще бонусы?

– Короткий рабочий день, например, досрочная пенсия, усиленное питание... зависит от пользы.

– А вот, например, волшебник? Какую пользу он может приносить?

Сокол не донес ложку до рта и пристально посмотрел на Ивана:

– Волшебники не могут приносить пользу. Только вред. Поэтому у нас тут практически нет волшебников. И – на будущее – не стоит поднимать эту тему в Нашем городе.

Наступил четверг. Ивана трясли за плечо. Не так агрессивно, как накануне, но все же трясли.

– Доброе утро, Сокол!

– Добренькое утречко! Ты кто? Ах, да, тебя зовут Иван. Что-то такое припоминаю. Странно, голова, вроде, ясная, а тебя помню плохо. Ладно, потом разберемся, – он махнул рукой, – поторопись, а то все самые общественно полезные дела расхватают! Все, я побежал. Куда идти, знаешь?

Иван знал. Он не помнил, а именно знал, что ему нужно в общественную приемную. Зачем? За общественно полезным делом, разумеется! А за каким именно общественно полезным делом? Юноша в задумчивости замер, занеся ногу над сапогом. Вчера ведь он что-то придумал. Предыдущие дни в памяти были расплывчаты и туманны.

– Какой сегодня день? – ни к кому не обращаясь поинтересовался Иван.

Задумался, перебирая мысленно дни недели. И сам же ответил:

– Четверг. Значит вчера была с... четверг... а позавчера тоже был четверг. А что было до этого?

До этого когда-то давно он, кажется, отправился в Красенград. Да, он начертил посохом пентаграмму перехода и... наступил четверг. И этот четверг продолжается уже третий день

подряд! Память начала медленно проясняться. Вчера? Кажется, вчера... точно, в четверг он решил покинуть Наш город. И, помнится, даже попытался телепортироваться. Но ничего не вышло. Значит нужно попробовать уйти естественным способом – ногами.

Из городка три дороги. На каждой открытая калитка. Кстати, а почему открытая? Неважно, что никакой ограды нет. Важно, что открытая! Заходи, кто хочешь! Не потому ли, что выхода отсюда нет?!

Пробуждающиеся воспоминания растормошили страх. Страх принялся поднимать панику. Паника попыталась захлестнуть Ивана. Иван не поддался. Он хладнокровно сжал свой посох и вышел из дома. И направился прочь из города. Даже если не удастся далеко уйти, он не намерен возвращаться сюда. Заночует в поле, в лесу, в горах – где угодно, только не в Нашем городе!

Никто не окликнул, не остановил, когда юноша выходил за калитку. На всякий случай он притворил ее за собой. И бодро зашагал куда глаза глядят. Куда-нибудь ведь должна привести наезженная дорога!

Дорога привела к озеру. На берегу сидели рыбаки, закинув удочки. Дальний берег терялся в дымке. Солнце поднималось, становилось жарко. Иван подумал, не искупаться ли? Нет, не стоит, он еще слишком близко к городу.

Один из рыбаков сделал подсечку и выудил большого карася. Снимая рыбу с крючка, он обернулся и подозрительно покосился на Ивана. Тот сделал вид, что не заметил и двинулся дальше. Вскоре дорога повернула от озера и стала плавно забирать к городу. Иван бодро вздымал пыль сапогами и довольно быстро оказался перед настеей распахнутой калиткой. Рядом красовался плакат, приветствующий гостей Нашего города. И за ней действительно начинался город Наш. С противоположной стороны. Иван узнал общественную баню, общественный туалет и общественное хранилище.

Не может быть! Юноша развернулся и вновь устремился прочь от города. И вновь очутился на берегу озера. Рыбаки все также рыбачили. Тот же рыбак снова подсек и выудил очередного карася. И опять посмотрел на Ивана.

– Чего это ты тут без дела шляешься? – неуверенно спросил он.

– Что это значит, без дела? Сегодня инспекция, – вспомнил он умное слово, – проверка всего, всех и вся. Я помощник приглядывающего Сокола.

Такое объяснение не столько успокоило, сколько напугало незадачливого рыбака, и тот с усердием насадил на крючок червя, тщательно на него плюнул и с особым рвением забросил в воду.

Удивленный такой реакцией Иван немного отошел от рыбаков и спустился к воде. Солнце жарило вовсю, купаться хотелось невероятно. Тут Ивана посетила удачная мысль: если нельзя уйти по этой дороге, надо попробовать переплыть озеро! Он начал раздеваться. Но куда девать одежду? Не бросать же ее прямо на берегу. Взгляд юноши упал на котомку «х5». Он уже позабыл, что она волшебная. Сапоги пришлось запихивать по одному, остальная одежда легко прошла через горловину – и все словно растворилось внутри! «БМВ х5» не стала ни больше, ни тяжелее! Иван потуже затянул тесемки и перекинул котомку за спину. Держа посох перед собой на вытянутых руках, он вошел в воду и поплыл. Прочь от берега, прочь от рыбаков, коварной дороги, заколдованного города. Прочь! Туманная дымка смущала и настораживала, но лучше неизвестность, чем вечный четверг.

Дымка рассеялась и показался противоположный берег. Он оказался гораздо ближе, чем рассчитывал Иван. И там тоже сидели рыбаки с удочками. Один из них усердно тягал карася за карасем. У других клева не было. Проплыв еще немного, юноша узнал удачливого рыбака. Рыбак тоже узнал Ивана. Но, видимо, при прошлой встрече юноша произвел на него неизгладимое впечатление, и рыбак принялся удить со все нарастающим рвением. К тому моменту, когда Иван поднялся из воды, садок рыбака был набит до краев.

Даже неудача с озером не охладила юношеский пыл. Незадачливый путешественник вновь оказался перед городом. У предусмотрительно прикрытой им калитки. Иван решительно распахнул ее и ступил в Наш город. Есть ведь еще один выход! Тот самый, через который он вошел в город впервые. Надежда – великая сила. Даже когда мозг, сердце, печенка и поджелудочная железа твердо уверены в провале, надежда подталкивает сделать еще одну, последнюю-распоследнюю попытку. И Иван твердо зашагал к третьим воротам. Вернее, калитке.

На центральной площади юношу встретил приглядывающий Сокол. Он буквально вырос перед Иваном, приставил ладонь к фуражке:

– Добренький денечек! Приглядывающий Сокол. Как звать? Почему не при деле?

– Здравствуй, Сокол! Иван я. И при деле. Исследую окрестности Нашего города, чтобы составить подробную карту.

– Так карту еще в прошлом году рисовали, – удивился приглядывающий, – неужто что-то поменялось?

– Изменения в природе происходят год от года, – наставительно произнес юноша, – порой они незаметны, но за год река может изменить течение, вместо луга – лес вырасти, родник забить там, где сушь была...

– Это все проклятущие волшебники, – уверенно согласился Сокол, – все время норовят внести свои изменения, лишь бы не давать Обществу существовать стабильно и процветать!

– Так что, сам понимаешь, за всей округой нужен глаз да глаз! – поддержал Иван.

– Хорошее дело ты себе нашел, полезное, – улыбнулся Сокол, – одобряю, продолжай.

И Иван, ощутив прилив сил и вдохновения с радостью продолжил.

По пути он на минуточку притормозил возле забора. Вчера, помнится, он его полдня красил. Ну, не совсем он – посох, превращенный временно в кисть. Суть в другом. Забор был не крашен. Не крашен, кажется, с момента начала своего существования. И его, то есть забор, этот факт ни капельки не беспокоил! Иван подумал, что, раз так, то и ему беспокоиться нечего, и продолжил свой путь.

Калитка была уже совсем близко, манила соей распахнутостью. Но Ивана остановил оклик:

– Не в службу, а в дружбу! – его догонял Сокол, – я увидел, как ты смотришь на этот забор, и подумал: наверняка ты ищешь, как бы еще принести пользу Обществу. Может покрасишь его, а? Исключительно добровольно.

В руках приглядывающий держал ведро с известкой и кисть.

Легкость, с какой всплыло в его памяти вчерашнее заклинание, поразила Ивана. Словно не только вчера он кропотливо составлял его, а использовал всю жизнь. Раньше на заучивание приходилось тратить не один час, а то и по несколько дней повторять, пока правильно не запомнишь! Юноша предусмотрительно внес несколько поправок, и работа закипела. Сегодня посох-кисть справился с задачей гораздо проворнее – часы не пробили и четырех.

Юноша со спокойной душой и чистой совестью вновь двинулся за город. На холме он провел вчера достаточно времени. Зато вокруг холмавилась хорошо заметная тропинка. Еще один путь из Нашего города.

Стоит ли говорить, что заканчивалась она там же, откуда начиналась?

Иван упорно не желал оставаться в городе еще на одну ночь. Потерпев полное поражение, он все же решил не возвращаться, а переночевать здесь же, на холме. Он поднялся на вершину, уселся, скрестив ноги, на каменную плиту с принимающей пентаграммой и уставился на закат. Снова хотелось есть, но рыба надоела. Хотелось чего угодно, кроме рыбы.

Иван вспомнил напутствие отца про «БМВ х5». Распустил тесемки волшебной котомки, засунул руку. Не успел он подумать, чего хочет, как ладонь ощутила тяжесть тарелки. Юноша

выдернул руку и едва не облился чем-то бурым и ароматным. Бобовая похлебка! Он повторил эксперимент – жареный цыпленок! Следом – краюха свежего, еще теплого хлеба. Напоследок он задумался о ложке. И – пожалуйста, вот она, серебряная ложка с тонким узором по краю!

После обильного ужина стало клонить в сон. Полночь Иван проспал.

– Добренькое утречко! Иван, кажется? – его осторожно трясли за плечо.

– Доброе утро, Сокол! Какой сегодня день?

– Четверг, – удивился приглядывающий, – завтра пятница, а послезавтра мы пойдем в город.

– Это хорошо, – Иван силился припомнить, что же происходило накануне.

– Поторопись, а то все самые общественно полезные дела расхватают! – подмигнул Сокол, – Все, я побежал. Куда идти, знаешь?

Иван кивнул.

Все-таки, что было вчера? Ведь он, кажется, засыпал совсем не здесь. А где же? На холме, за городом. Как же он тогда оказался снова у Сокола в гостях? Вдруг вчерашний день вспыхнул воспоминаниями. И позавчерашний. И поза-позавчерашний. И все, что было до того! Иван обрадовался. И тут же загрустил. Память подсказывала, что нужно немедленно бежать из Нашего города. Она же подсказывала, что это невозможно. Во всяком случае все предыдущие попытки провалились. Что же делать? Куда идти? У кого просить совета?

Стоп! В городе ведь есть еще одна улица! Она, правда, никуда не ведет, упирается в старый особняк. Но, если выхода нет, там, где ему положено быть, не стоит ли попытаться поискать там, где его быть не должно?!

Иван быстро оделся и поспешил на центральную площадь. Здесь как раз выстроилась шеренга граждан и перед ними прохаживался приглядывающий Сокол с папкой в руках:

– Ну, граждане алкоголики, тунеядцы, хулиганы, кто хочет сегодня поработать?

Иван проскользнул в общественную приемную. Из-за неплотно прикрытой двери доносилась:

– Песчаный карьер – два человека, уборка улиц – три человека, скотобойня... на сегодня нарядов не прислала...

Юноша сунулся в «Службу занятости». Дедушка Лось в очках и круглой шапочке посмотрел на посетителя подозрительно:

– Опаздываешь, молодой человек.

– Простите! Я художник, какую пользу я могу принести Обществу?

– Художник? – задумался дедушка Лось, – это который с красками и кистями? Ну, можешь, например, покрасить забор.

– Может быть, лучше картину написать? Портрет, натюрморт, пейзаж...

– Зачем картина нужна?

– Например, на стену повесить, – не растерялся Иван.

– Какая, например, польза от картины на стене?

– От картины на стене очень большая польза, – горячо заверил юноша, – она может дырку на обоях загоразивать!

– В Нашем городе нет обоев, – оборвал старичок, – и дыр тоже нет. Зато есть заборы некрашенные. Возьмешь в общественном складе побелку и покрасишь забор. Так ты принесешь максимум пользы Обществу.

– А можно я покрашу все заборы?

– Можно. Начни с улицы, выходящей к холму.

Иван вздохнул и отправился на склад.

На этот раз юноша справился с работой еще быстрее. Забор уже был наполовину покрашен, когда мимо пробежал мальчишка с жестяным ведром. К полудню забор сверкал свежей побелкой. Иван, довольный собой, подхватил ведро и посох-кисть и двинулся к особняку в тупике четвертой улицы. На площади его встретил Сокол.

– Добренький денечек! – приветствовал он, – как тебе нравится у нас?

– Рад трудиться на благо Общества! – отрапортовал Иван, опустив ведро на землю, – вот, крашу заборы.

– Хорошее дело. А то, куда ни глянь, везде серость! Теперь и жить светлее станет!

– Подскажи, где еще нужно заборы покрасить?

– Да везде! Особенно в дальней части Нашего города, – приглядывающий махнул рукой в нужную Ивану сторону.

– Спасибо! – юноша подхватил полупустое ведро и бодро зашагал к особняку. В какой-то момент он себя одернул, чтоб не побежать вприпрыжку. Сокол проводил его взглядом и улыбнулся. Приятно видеть рвение молодого гражданина!

В тупике царили тишина, спокойствие и таинственный полумрак. Странно, подумалось Ивану, полдень – а здесь полумрак. Причем таинственный. Да и вообще, с чего бы это полумраку сразу необходимо становиться таинственным? Так, приятная затененность, легкая прохлада в разгар дня. Хорошо, наверное, живется антиобщественному элементу!

Иван помедлил у ограды. Он всматривался в зашторенные окна, надеясь обнаружить хозяина особняка выглядывающим из-за занавесок. Но никто не спешил наблюдать за непрошенным гостем. Раз так, Иван решительно распахнул калитку и ступил на двор. На каждом шагу ожидая пристального взгляда, а то и гневного окрика, юноша осторожно приблизился к парадному входу.

Никто так и не выглянул. Иван потоптался у высоких дверей. Ни ручки, ни колотушки. Даже замочной скважины – и той нет! На всякий случай он приложил к двери ухо, надеясь расслышать по ту сторону шаги хозяина. Шаги действительно послышались. Более того – Иван расслышал довольно молодой голос:

– Дерни за веревочку – дверь и откроется.

Юноша отпрянул от двери. Какая еще веревочка?! Что за шутки! Разве так впускают в дом подозрительных прохожих с длинными малярными кистями и ведрами побелки! По мнению Ивана, таких надо гнать подальше: не место таким гостям в приличном доме!

Но его никто не гнал. А веревочка-то – вот она, висит незаметная в уголочке, так и просит, чтобы за нее подергали. Даже табличка рядом висит: «ПРАШУ ПАДЕРГАТЬ, ЭСЛИ НЕ АТКРЫВАЮТ». Иван дернул. Дверь бесшумно отворилась. Вопреки ожиданиям, за дверью никого не оказалось. Юноша в нерешительности замялся, но тот же голос, только уже не через створку двери, подбодрил:

– Нечего стоять на пороге, коли приглашают. Заходи и дверь за собой прикрой! Не стоит привлекать лишнее внимание. Ведро не забудь!

Иван смущенно подхватил емкость и прошмыгнул в помещение. Не глядя на дверь, он шепотом велел ей:

– Закройся!

К его удивлению, дверь повиновалась. Хозяин на такое самоуправство не отреагировал никак, но молчание его показалось Ивану укоризненным.

– Извините! – сконфуженно проговорил юноша.

– Не извиняйся. Грех не пользоваться врожденным умением. Хотя, разумеется, в гостях следует вести себя поделикатнее. Проходи, устраивайся в гостиной. Я скоро выйду. Да поставь ты уже свое ведро!

Почудилось или действительно в голосе прозвучал смешок? Юноша повинился. Ведро заняло место у двери, посох он оставить не решился. Лишь вернул ему первоначальный облик. Прежде, чем двинуться на поиски гостиной, Иван огляделся. Просторное помещение украшали две странные статуи, отливающие зеленью, высокая ваза без цветов и красочные гобелены слева и справа. На одном витязь попирал копьём крылатого змея, с другого смотрела юная дева. Босая, в цветастом сарафане, она скорчилась печальная на камне на берегу темного лесного озера. Из комнаты вели две двери и лестница на второй этаж.

– Налево, – подсказали сверху, – чай, печенье, пряники, вообще все, что пожелаешь! Просто попроси накрыть на стол – скатерка у меня расторопная.

При упоминании об угощении, Иван вдруг вспомнил, что еще не завтракал. И устремился в указанном направлении. За левой дверью обнаружили стол, пара кресел, уже своим видом манящих поудобнее в них развалиться, и окно во всю стену. Стол покрывала искусно вышитая скатерть. Больше ничего.

Иван занял одно из кресел и обратился к скатерти:

– Извините, мне бы...

– Только рыба! – раздался тоненький голосок.

– Как? И здесь тоже?! Но почему?

– Четверг. Не ясно что ли? Ну, чего уставился? Будешь чего, аль глазки строить станем?

– А что есть-то?

– Портвейн, плодово-ягодное, «Солнцедар», «Кавказ», «Акстаба»...

– Ну, нет! Этого мне не надо, – половину слов Иван не понял, но уточнять не рискнул, – а поесть что есть?

– Уха, карась жареный, гарнир рис. Компот еще есть. Из сухофруктов.

– Ну, ладно, давайте, – удрученно согласился юноша. Он уже потихоньку стал привыкать к четверговому рыбному меню.

Перед ним материализовался уже знакомый поднос с большой миской ухи и укоризненно смотрящим жареным глазом карасем на тарелке с рисом. Окончательно смирившись, Иван потянулся было за ложкой. И тут по столу кто-то стукнул кулаком:

– Что ты себе позволяешь?!

– А что это я себе позволяю? – недовольно пискнул голосок.

– Ты как гостей потчуеть?! – еще один удар кулаком.

– Батюшки, не признала, – испуганно затараторил тоненький голосок, – сейчас-сейчас, все будет. Одну минуточку. Чего изволите?

– Давай быстренько. Все, что нужно там, фирменное: посуду, самовар, все, что положено.

– Да не извольте беспокоиться, сейчас все будет, – голосок в один миг стал вежливым и подобострастно-медовым.

Рыбные блюда мгновенно исчезли. Вместо них появились друг за другом пузатый самовар, заварочный чайник, чашки на блюдцах тонкого фарфора и множество тарелочек, блюдец, пиалок, мисочек с пирогами, пряниками, печеньями, ватрушками, кексами, вареньями, медом – всего и не перечислить! Иван от такого обилия раскрыл в удивлении рот. Он уже и не чаял когда-нибудь отведать здесь что-либо, кроме рыбы.

– Угощайся! – пригласил голос из-за спины, – я скоро вернусь.

Насытившись, Иван откинулся на спинку кресла:

– Спасибо!

– Спасибо на хлеб не намажешь! – недовольно пискнула скатерть, – на серебряный наел, понимаешь...

– Цыц! – оборвал уже знакомый голос. Иван обернулся и оцепенел. Он ожидал увидеть кого угодно, но хозяин превзошел все самые страшные опасения Ивана. К слову сказать, самым страшным для юноши сейчас казалось встретить отца, смотрящего на него с укором. В дверях

стоял не отец. И не страшный злой волшебник, каким пугают маленьких детей, а повзрослевшим подробно разъясняют, почему именно стоит бояться. Это был вообще не человек!

Больше всего хозяин напоминал ящерицу ростом с сажень, вставшую на задние лапы, обувшуюся в тапочки с кроличьими ушками и накинувшую для приличия пушистый домашний халат.

– Добро пожаловать! – сказала ящерица и стрельнула раздвоенным языком, – извини, никак не отделаюсь от этой дурной привычки.

– З-д-р-ав-ствуй-те! – выдавил Иван.

– Я тебя напугал? Прости еще раз. Ко мне очень давно никто не заходил. Так будет лучше? – он пробормотал что-то себе под нос и щелкнул пальцами. На мгновение его очертания расплылись – и вот перед Иваном стоит молодой человек в тех же кроличьих тапочках и халате. Юноша моргнул.

– Ото-мри! – хозяин хлопнул в ладоши. Иван потряс головой, приходя в себя.

– Мне почудилось... – начал было он, – да нет, не может быть!

– Увы, может, – печально кивнул преобразившийся ящер, – если хочешь, я могу некоторое время оставаться в привычном для тебя облике. Но это требует концентрации. Поэтому к серьезной беседе мы перейдем, когда ты привыкнешь воспринимать меня таким, какой я есть. Теперь давай знакомиться, – он плюхнулся в кресло напротив, – как тебя зовут?

– Иван.

– Просто Иван и все?

– Просто Иван. А как надо?

– Ну, не знаю... Иван-царевич, например, или Иван-дурак. На худой конец, Иван – чей-нибудь сын. Ладно, Иван так Иван. А я Горыныч.

– Просто Горыныч? – на сей раз удивился Иван, – но ведь это не имя. Это так по батюшке обычно величают.

– По батюшке и есть. Не успел батюшка мне имени дать. Бежать ему пришлось...

– Выходит, ты сирота?

– Выходит, – печально вздохнул Горыныч.

– И давно ты здесь?

– С самого рождения, – пожал плечами хозяин.

– И всегда здесь четверг?

– Так вот ты о чем! Я уже давно привык к этому. И ты скоро привыкнешь.

– Я не хочу привыкать!

– Придется. Тут по-другому не бывает. Если только... сколько дней ты уже здесь? – встретился Горыныч.

– Четыре или пять, – неуверенно ответил Иван, – я уже сбился.

– Бумагу, перо и чернила! – приказал хозяин.

Требуемое мгновенно возникло перед юношей.

– Записывай! – велел Горыныч, – записывай все, что помнишь! Максимум подробностей! Иван не посмел ослушаться.

– Добренькое утречко, Иван! – Сокол потряс его за плечо.

– И тебе, Сокол. Какой сегодня день?

– Четверг, – ни капли не сомневаясь, ответил приглядывающий, – завтра пятница, а послезавтра мы пойдем в город! Поторопись, а то все самые общественно полезные дела расхватают! Все, я побежал. Куда идти, знаешь?

Иван кивнул. Его не оставляло стойкое ощущение, что все это уже было. И не раз. И еще он смутно помнил, что засыпал не здесь. Но где? То ли на холме возле пентаграммы, высеченной в камне, то ли в своей постели, то ли в каком-то неизвестном доме, сидя за сто-

лом, заваленным исписанными листами бумаги. Им же исписанными. Что же он записывал? Обязательно нужно вспомнить. Обязательно! Ладно, по дороге подумаем. Нужно торопиться в общественную приемную – там еще забор не крашен. Забор... Четверг... А что было вчера? Он ведь и вчера красил забор! Выходит, вчера тоже был четверг!

И тут он вспомнил. Вспомнил вчера и позавчера, и поза-позавчера. Ивана похолодел. Все снова повторялось. Но он еще помнил! Скорее в особняк! Там Горыныч, он обещал сегодня все объяснить. Вчера этот странный человек – человек ли? – объяснил, как пройти в его особняк, минуя центральную площадь. Ведь на площади обязательно будет приглядывающий Сокол. И тогда Ивану вновь придется белить забор! А ему, Ивану, по словам Горыныча, необходимо максимально исключить себя из жизни Общества. Иначе Общество поглотит его. Этого ни в коем случае допускать нельзя! Почему, Иван пока еще не понимал, но был абсолютно уверен.

Следуя полученным накануне инструкциям, юноша миновал ближайшую калитку и двинулся вдоль огородов, раскинувшихся за околицей. Здесь кипела работа. Люди собирали овощи и фрукты, окучивали картошку, пропальвали грядки. Никто не сидел без дела. Один только Иван, стараясь не привлекать внимания, крался от куста до деревца, туда, где никто никогда не сеял и не пахал. Туда, где за невысоким штaketником раскинулся большой парк. В штaketнике тоже была калитка. Если б Горыныч не объяснил, как ее обнаружить, Иван наверняка прошел бы мимо. За калиткой начиналась давно нехоженная тропка. Она пропетляла по парку и вывела Ивана прямо к задней двери особняка.

Эта дверь ничем от подобных ей не отличалась. Обшарпанная, скрипучая, с самой обыкновенной ручкой. И не запертая. Как и обещал Горыныч. Иван вежливо постучал и, не дожидаясь приглашения, вошел. И замер на пороге. Он очутился в том же просторном помещении, что и накануне. Хотя в прошлый раз он входил не через черный ход, а в парадную дверь. На всякий случай юноша обернулся. И не обнаружил за спиной двери, в которую только что стучал. В недоумении он осматривался: те же двери по бокам, те же зеленоватые статуи, те же гобелены на стенах, та же лестница уходит вверх. И по лестнице спускается улыбающийся... ящер в домашнем халате и тапочках-кроликах! Прежде Иван никогда не задумывался, как может улыбаться ящерица или змея. Но вот на тебе – улыбается ведь! Во все тридцать два – или сколько там у него зубов? Явно больше! И все острые и ослепительно белые. Однако не смотря на зубастость, улыбка явно была радостная.

– Здравствуй, Иван! – приветствовал ящер, – ты меня помнишь?

– Смутно.

– Правильно. Это ведь было сегодня.

– Вчера, – поправил юноша.

– А какой день был вчера?

– Четверг.

– А сегодня у нас что?

– Четверг.

– Здесь всегда четверг. Значит, всегда сегодня.

– Всегда? – ужаснулся Иван.

– Во всяком случае последние лет пятьдесят. Примерно.

– Сколько ж тогда тебе?!

– По человеческим меркам лет шестьдесят пять. Может, семьдесят.

– Ого! А по вашим?

– Я мужчина в самом расцвете сил, больше я тебе ничего не могу сказать.

– А в каком возрасте бывает расцвет сил? – осторожно поинтересовался юноша.

– В любом! Во всяком случае, у меня. Я о себе знаю гораздо меньше, чем об окружающих.

Но сейчас речь не обо мне – о тебе. Как у тебя с памятью?

– По утрам трудно вспомнить. И постоянное ощущение, что это уже было.

– Дежавю.
– Наверное. Я, правда, не знаю, что это такое, дежавю.
– То самое ощущение. Сегодня было сложнее вспомнить или проще?
– Кажется, проще. Странно даже. В прошлые разы вспоминать было очень трудно...
– Я пока твои воспоминания на свой жесткий диск поместил. Так тебе хоть чуточку легче будет. По-хорошему, надо тебе собственный жесткий диск создать. Но это дело не одного дня. Успеть бы сегодня твою карту памяти сделать. Большое подспорье для вспоминания, сам проверял.

Иван разинул рот. Столько непонятных слов за раз он еще никогда в жизни не слышал. Горыныч понимающе кивнул:

– В процессе объясню. У нас мало времени. Нужно успеть до перезагрузки, а то придется начинать все сначала. Идем! – он развернулся и бодро зашагал вверх по лестнице.

Весь второй этаж занимала библиотека. От пола до потолка высились полки, заставленные книгами: тонкими, толстыми, очень толстыми, разных размеров и цветов. Все их объединяло одно – потертые, выцветшие корешки. Ни одной новой. У единственного, зато громадного – во всю стену – окна стоял стол. На столе лежала единственная новая книга, открытая на середине. Даже от входа можно было увидеть, что эта книга еще не закончена.

– Ты пишешь книгу? – удивился Иван.

– Две. В условиях вечного сегодня это весьма непросто. Приходится каждый раз копировать на жесткий диск, чтобы не пропала при перезагрузке.

– Да что это за диск такой?

Горыныч молча раздвинул халат. На груди его на тонкой цепочке висел тщательно отполированный круг белого металла. Цепочка проходила через большое отверстие точно в его центре.

– Это моя память, – пояснил ящер, – сюда я копирую всю информацию, чтобы помнить после перезагрузки.

– Какой перезагрузки?

– Той самой, после которой снова наступает сегодня.

– Это когда новые сутки начинаются, что ли?

– По моим подсчетам где-то между без пяти шесть и шестью часами утра. В это время все спят. Я несколько раз пытался отследить момент, и знаешь, что? Я просто снова просыпался у себя в постели! С тобой ведь происходит то же самое?

Иван кивнул. Ему вспомнились все попытки не возвращаться к Соколу. И ведь действительно, он каждый раз просыпался в гостях у приглядывающего.

Юноша огляделся. Он шарил взглядом по полкам. И вот оно! Толстенный талмуд Якова Хилого «Знание = Сила»!

– У меня снова это, как его, ведаю ж!

– Дежавю, – поправил Горыныч, – ничего, привыкнешь.

– Да нет! Я словно дома очутился, в отцовской библиотеке...

– Так ты потомственный чародей! Занятно. Но все – потом, сейчас – дело. Пойдем в кабинет.

Ящер шагнул к не приметной дверце среди полок и поманил Ивана за собой.

– Устраивайся поудобнее, – указал он на грубый стул в углу, – разговор будет длинный.

Иван с сомнением посмотрел на предложенное место. Больше всего стул напоминал пыточное приспособление, виденное им однажды на картинке. Других картинок он тогда рассмотреть не успел – отец отобрал увлекательную книгу о пытках и запретил подходить даже к полке, на которой та стояла. Саму книгу и еще несколько, не менее интересных для молодых людей Иванова возраста, отец тогда унес к себе в кабинет и хорошенько спрятал.

– Так надо, – быстро понял сомнения юноши хозяин, – это только для того, чтобы ты не слишком шевелился, пока я составляю твою карту памяти и закрепляю ее. Собственно, пока я буду составлять, тебе не обязательно в него садиться. Надеюсь, до обеда управимся.

Иван покорно уселся. На удивление стул, всем своим видом кричащий о неудобстве, оказался комфортным, с мягкими подушечками на сиденье, спинке и подлокотниках. Но широкие кожаные ремни все же заставляли поежиться.

Горыныч устроился за рабочим столом. Из ящика он достал большую таблицу из букв и цифр и поставил ее перед собой. Затем придвинул к себе стопку бумаг и чернильницу с пером:

– Сейчас я буду задавать вопросы. Много вопросов. Отвечай быстро, не задумываясь. Если колеблешься, говори «дальше». Понятно?

Иван сглотнул и кивнул.

– Начали. Имя? Дата рождения? Цвет? Вкус? Имена родителей? Время суток? День недели? Имя девушки?

До последнего вопроса Иван исправно давал ответы. Но на имени девушки споткнулся. Горыныч, сверявшийся с таблицей и записывающий на листке какие-то цифры, строго глянул на юношу.

– Дальше, – неуверенно выдавил тот.

Ящер быстро поставил ноль и продолжил:

– Животное? Растение? Погода?...

Вопросов было очень много. Все они звучали коротко и требовали столь же коротких ответов. Вскоре Иван перестал различать слова – что Горыныча, что свои. Звуки постепенно превратились в монотонный гул. Картинка перед глазами начала расплываться, контуры предметов затуманились. Все перед взором превращалось в разноцветные пятна. А Горыныч все бубнил и бубнил что-то. И Иван бубнил что-то в ответ. Кажется, он все чаще повторял «дальше», пока это слово не стало единственным ответом.

Сколько продолжался этот странный диалог, юноша сказать не мог. Краешком сознания он пытался уцепиться за реальность, но соскальзывал и все глубже погружался в странное состояние. В конце концов, он плюнул и перестал сопротивляться. И тут же из прекрасного водоворота, казалось окончательно поглотившего Ивана, вырвал вопрос. Четкий и понятный.

– Число?

– Девяноста два!

Повисла тишина. Иван обалдело моргал, приходя в себя.

– Девяноста два? – медленно переспросил Горыныч.

– Да-а. Что со мной было?

– Ты был в трансе. Это единственный способ достичь идеальной точности.

– Точности чего?

– Твоего числа, – ящер посмотрел в окно, – на удивление скоро! Тебя раньше гипнотизировали?

– Чего? – Иван все еще приходил в себя.

– Понятно. Я был первым. Скоро пройдет. Лучший способ быстро восстановиться – перекусить. Да и время, можно сказать, обеденное. Пойдем, поедим!

Обедали быстро, молча, без изысков. Потом вновь поднялись в кабинет. На этот раз Горыныч закрепил голову, руки и ноги Ивана ремнями.

– Придется потерпеть, – вздохнул ящер, – надеюсь, драйвер получится с первой попытки написать.

– Что написать?

– Программу для подключения карты памяти к тебе. Не отвлекай, пожалуйста!

Он сдвинул записи на край стола и углубился в ящик. Вскоре перед Горынычем лежали линейка, готовальня с различными циркулями, угольник и два зачиненных карандаша. Ящер глубоко вздохнул, потер руки и принялся быстро что-то чертить и записывать на очередном листе бумаги. Несколько раз переворачивал лист, чертя с обратной стороны, и внося какие-то ему одному понятные дополнения и правки. Потом отложил исполосованный и исписанный лист, взял следующий. Теперь он уверенно выводил какое-то длинное уравнение. Или заклинание? Ивану не терпелось посмотреть через плечо, но ремни крепко держали его на стуле. Так что юноша мог видеть лишь малую толику происходящего.

Губы Горыныча непроизвольно шевелились. Иногда он устремлял взгляд в угол, шевелил пальцами с короткими темными когтями. И продолжал записывать. Время тянулось нестерпимо медленно. Ивана распирало любопытство.

Наконец Горыныч отложил карандаш и поднял бумагу перед собой:

– Красиво получилось, гладенько, – довольно улыбнулся он, – сейчас запущу, и ответу на все твои вопросы.

Вопрос у Ивана был всего один: что происходит? Горыныч словно прочел во взгляде и без лишних разъяснений начал:

– Мир состоит из чисел. Все, что мы видим, слышим, чувствуем, можно передать с помощью цифр. Все так или иначе состоит из них. Это Матрица. Матрица повсюду, она окружает нас. Даже сейчас она с нами рядом. Ты видишь ее, когда смотришь в окно или открываешь книгу. Ты ощущаешь ее, когда работаешь, когда гуляешь, когда учишься. Она воздействует на тебя. А ты на нее. Потому что ты часть Матрицы. Все мы ее часть.

Ящер глянул на листок с формулой-заклинанием и продолжил:

– Матрица гибка. В каждой ее точке, в каждое мгновение есть бесконечное количество возможностей развития событий. Но ты каждый раз можешь выбрать только один вариант. Будет ли он верным, к чему приведет? Никто заранее не может ответить. Даже Матрица. Ведь она – всего лишь бездушные числа. Все мы, таким образом, взаимодействуем с Матрицей. Просто подавляющее большинство не осознает своих возможностей. А те, кто что-то понимает, до чего-то додумывается, у кого что-то получается, воспринимаются остальными, как особенные, выдающиеся. Называют нас по-разному: чародеи, волшебники, маги, колдуны... А все дело в том, что мы просто можем сознательно влиять на Матрицу, подменять числа, выстраивать собственные уравнения. И все равно практически все, кто связан с волшебством, не понимают, как оно работает. Мы составляем заклинания, чертим пентаграммы, делаем нелепые пассы и ударяем посохами оземь. Все это становится ненужным, когда понимаешь принцип Матрицы.

– А каков этот принцип?

– Сколько будет один плюс один? – навстречу спросил Горыныч.

– Два.

– А если это, допустим, один кролик плюс одна крольчиха? В перспективе это несколько кроликов, верно? Выходит, один плюс один может быть два, три, четыре – сколько угодно! Или если один кролик плюс один волк? Что тогда? Верно – один волк. Сытый. Но это все поверхностные примеры. Если копнуть чуть глубже, то один плюс один может равняться и нулю, и даже минус одному! Хоть немного понятно?

– Совсем чуточку.

– Я до понимания шел почти пятьдесят лет. Ты быстро учишься, так что твоего времени в купе с моим опытом и знаниями потребуется не так много.

– Снова учиться?! – ужаснулся Иван. Он же буквально несколько дней назад бежал от этой перспективы! В результате словно никуда из дому и не уходил!

– Учение – постоянный процесс. Он не останавливается ни на мгновение, – подбодрил ящер и стрельнул языком, – извини. Кстати, сегодня у тебя уникальная возможность научиться всему за один день!

- Несмешная шутка. Меня уже наверняка ищут!
- Нет. Тебя нет дома ровно один день. Даже меньше – с того самого момента, как ты телепортировался сюда. Сколько дней ты здесь?
- Три, четыре... несколько.
- Здесь всего один четверг. И мы с тобой в нем замкнуты.
- Но как?!
- Знал бы, как, уже выбрался б! Пока что могу сказать одно. Это какой-то сбой Матрицы. Кто-то неосознанно или специально сумел грамотно подменить числа таким образом, чтобы у меня – а теперь и у тебя тоже – четверг не прекращался. Более того, этот кто-то умудрился и пространство замкнуть на само себя! Ты наверняка пробовал отсюда сбежать?
- Иван попытался кивнуть, но ремень, державший голову, не позволил.
- И я пытался, – развел руками Горыныч, – единственный способ выбраться из вечного четверга в Городе-у-Топи – найти проклятый сбой и исправить Матрицу.
- Как ты назвал это место? – перебил юноша.
- Город-у-Топи. Раньше он так назывался. Это был обычный городок на границе гор и болот. До того, как здесь не сложилось Общество, – ящер скривился.
- Да что здесь происходит!!!
- Это долгая история...

Если бы Иван в свое время уделял больше внимания истории и географии, а не только магии, он пришел бы в ужас. Однако история сослагательного наклонения не терпит. География, впрочем, тоже.

В давние времена, когда Рыжь была единая и Великая, на самой ее границе, у подножья Серых гор, на узкой полоске плодородной земли между скалистыми уступами и топким болотом возникло маленькое поселение. Никто не обращал на него внимания достаточно долго, чтобы несколько домов успели разрастись в небольшой городок. С трудолюбивым населением, с городской управой, с десятком чиновников, с градоначальником и даже со своим волшебником. Жили горожане не бедно, не богато, не скучно, но и не особенно весело. У кого-то хозяйство росло, у кого-то постепенно приходило в упадок, у некоторых на протяжении десятилетий наблюдалась удивительная стабильность. Торговля в городе не процветала, но и не чахла. Из города вели две дороги: в Красенград и в горную Швейцию. Была и третья дорога. Она вилась вдоль горных склонов до самой Черной Дыры, входа в один из деструктов Подгорного царства. Ею практически не пользовались, потому и за дорогу не считали. Но именно ей предстояло сыграть важнейшую роль в становлении Общества в Городе-у-Топи. Да, с фантазией у горожан было не густо, вот и прижилось название, данное немногочисленными купцами, везущими товары из Великой Рыжи в Швейцию и обратно.

Город-у-Топи своей территорией считали и Великая Рыжь, и Швейция. Ничего ценного в округе не водилось и не родилось, так что воевать из-за него две державы не собирались. Зато обе собирали с Города-у-Топи налоги. Горожане не сопротивлялись. Благо, налоги были щадящие, а люди не бедовали. Сборщики налогов и податей обоих государств приходили в Город-у-Топи практически одновременно. Разумеется, между ними немедленно возникали споры и выяснения отношений. Поглазеть на представление собирался весь город. Взаимные обвинения с криками и скандалами продолжались по нескольку дней. Потом довольные бесплатным зрелищем утопцы делили налог между представителями двух стран и прогоняли обе делегации. До следующего года.

Довольно быстро неприглядная ситуация стала известна королям-соседям. Они встретились и быстро договорились взимать налоги с Города-у-Топи в разное время. Теперь утопцам приходилось платить дважды: летом и зимой. И оба раза по полной! Разумеется, жителям небольшого городка на границе по вкусу такое не пришлось. Стали горожане призывать

городового и всю его управу для совета и защиты. На совет те пришли. Всем составом. А вот защищать и не подумали. Естественно, ведь, коли налоги на две стороны, так и чиновников содержат обе. Не понравилось утопцам такое положение. Сильно не понравилось. Но можно было еще избежать беды, можно. До четверга.

В четверг в половине двенадцатого с северо-запада, со стороны Черной Дыры, в Город-у-Топи вошел молодой человек лет двадцати восьми. За ним бежал беспризорный. Бежал, судя по всему, от самой Черной Дыры, если не дальше. В Городе-у-Топи своих беспризорников отродясь не водилось.

– Дядя! – весело кричал он, – дай гривенник!

Молодой человек вынул из кармана налитое яблоко и подал беспризорному, но тот не отставал. Тогда пешеход остановился, иронически посмотрел на мальчика и воскликнул:

– Может быть тебе дать ключ от копей ца'я саламанд', где золото 'оют в го'ах?

Молодой человек солгал. Не было у него золота – ну откуда золото в Серых горах! И в саламандровых копиях он никогда не бывал – его и в Черную Дыру-то не пустили. Тем более не было у него ключа от этих самых копей. У него не было даже плаща. В город молодой человек вошел в зеленом, узком, в талию, костюме. Его шея была несколько раз обернута старым шерстяным шарфом, ноги были в лаковых штиблетах с замшевым верхом апельсинового цвета. Носков под штиблетами не было.

Никто не вышел путнику навстречу с приветственной речью, но и никто не погнался изда-лека. Вокруг вообще не было ни души. Молодой человек ступил на пустынную улицу, замер и огляделся. Прислушался. Спереди доносился гул множества голосов. Именно в этот день утопцы собрались на очередной совет на центральной площади. Правление Города-у-Топи на свою беду решило не являться. Священники отделались единственным представителем. Да и тот, совсем еще молодой, торопливо заявил, что в дела мирские вера не вмешивается, и быстро ретировался. Городской волшебник тоже отсутствовал.

Народ самостоятельно изъявлял свою волю. Громко, хаотично, эмоционально и совершенно безрезультатно. Никто народ не слушал. До появления на площади вышеописанного человека. Этого человека никак не звали. Его вообще не нужно было звать. Он пришел сам.

Он не стал протискиваться сквозь толпу. Вместо этого молодой человек взобрался на телегу, неизвестно кем оставленную на площади. Лево́й рукой он взялся за лацкан пиджака, правую простер к толпе. И громко сказал:

– Го'ожане! Г'аждане! Това'ищи! Д'узя! – молодой человек сильно картавил и при этом очень любил слова с произносимой для него буквой, – я знаю, что делать!

И замолчал. Он еще не был в курсе проблемы местного населения. Но он всегда точно знал, что делать. Руководить. Направлять в нужное русло. Возглавлять, но при этом не нести никакой ответственности. Люди сами все придумают и сделают, главное правильно их организовать. А уж это-то молодой человек несомненно умел. И сейчас, оказавшись в благоприятных условиях всеобщего недовольства, он ощущал прилив вдохновения.

– Что? Что нужно делать? – понеслось со всех сторон.

– Необходимо с'очно о'ганизоваться! Вместе, сообща мы 'ешим любую п'облему! Кстати, а в чем, собственно, п'облема состоит?

Событиям в Городе-у-Топи большинство хроник посвящает всего несколько абзацев. От силы полторы страницы. Дело в том, что в это время в самом центре Великой Рыжи окончился многолетний спор двух великих философов. Завершился он, как известно, дракой. Пять лет, четыре месяца и два часа философы яростно спорили, чей закон главнее: божий или государственный. Ежедневно, ежечасно оба находили новые аргументы и контраргументы.

В тот момент, когда молодой человек в зеленом, в талию, костюме, шерстяном шарфе и желтых штиблетах на босу ногу взобрался на телегу и простер свою длань, аргументы у философов иссякли. Остался последний.

– Ты говоришь, что важнее закон божий. Хорошо. Что ты сделаешь, если я тебя ударю? – молвил первый философ.

Второй напрягся:

– У тебя кончились доводы?

– Пока еще нет. Это тоже довод. Согласно твоим утверждениям, ты должен стерпеть и подставить вторую щеку.

– Ну, попробуй, ударь, – лукаво ухмыльнулся оппонент.

Толпа наблюдателей, скопившаяся за долгое время диспута, замерла в ожидании. Подивиться на длительное противостояние философов народ приезжал издалека. И надолго. Вокруг спорщиков уже давно организовался палаточный городок, по населению сопоставимый со столицей. Здесь уже развилась своя инфраструктура: все от бань и харчевен до дешевых ночлежек и платных туалетов. При небольшом желании и минимальных затратах здесь можно было бы основать новый город в кратчайшие сроки. Но люди прибывали сюда не за этим. Всех интересовало лишь одно: чей все-таки закон главнее? А если совсем откровенно, кто из философов первым начнет драку. У обоих спорщиков образовалось немало сторонников и последователей. И каждый готов был немедленно поддержать своего фаворита словом и делом. То есть кулаками. Предприимчивые евры также не оставили схватку двух философов без внимания. На обоих претендентов принимались ставки. И немалые.

Итак, наступило затишье. Позже возникнут споры, следует ли считать первый удар началом драки? Сторонники государственного закона поддерживают именно эту версию. Их противники утверждают, что даже последовавшая за первой вторая пощечина – всего лишь доводы. Последние доводы. Зато третий удар...

Впрочем, обо всем по порядку.

Пощечина была звонкая.

– Он ударил! – понесся шепоток над толпой.

– Проиграл, кончились доводы! – возликовала половина зрителей.

– Это тоже аргумент, – парировала вторая половина.

– Это только пол аргумента, – не успокаивались сторонники закона божьего.

– Аргументируй до конца! – поддержали сторонники закона государственного.

И философ, ободренный поддержкой обеих сторон, обратился к оппоненту:

– Теперь ты должен подставить вторую щеку. Для симметрии, так сказать.

Левая щека оппонента горела, но он безропотно повернул голову:

– Бей! Но тогда я за себя не ручаюсь.

Вторая пощечина была не столь громогласна. Толпа уже не утихала. Ставки росли.

– Ну, все, ты сам напросился! – обе щеки философа пылали, и он неумело двинул противника в челюсть.

– наших бьют! – обрадовалась толпа. И тут же все принялись мутузить друг друга. Через минуту в ход уже пошли подручные средства: половники, котелки, поленья. Еще немного, и дошло бы до ножей.

Но тут в центре побоища неизвестно откуда появился Мастер.

– А ну, все тихо! – рявкнул он.

Поддействовало.

Мастер приподнял за шиворот обоих философов:

– Вы два тупых кретина! Доспорились! И ладно бы о чем-то дельном спорили! Оба правы и оба не правы! А вам что, заняться больше нечем? – устыдил он дерущихся, – а ну-ка марш по домам!

– Но как же закон? – вякнул кто-то из толпы.
– Значит, так. Слева от меня соберитесь те, кому ближе закон божий. Справа – кому государственный. Отныне вы станете жить раздельно.
– Как, раздельно? – удивились оба философа хором.
– Так раздельно. Была одна Великая Рыжь – станет две Рыжи. И чтоб не было разногласий, вдоль границы столы поставьте – пировать станем. Праздник, как-никак.
– Какой еще праздник? – вновь хором удивились философы.
– Назовем его Днем Разделения. Все, я сказал! Всем ясно?! Разойтись! – когда Мастер в таком состоянии, с ним лучше не спорить.

Вот и пропала Великая Рыжь. Зато теперь Рыжей стало две: Темная и Светлая. Из-за названий тут же начал разгораться новый спор, но Мастер обернулся и сурово изрек:

– Поддерживаю. Да будет так! Государственному закону Светлая Рыжь, божьему – Темная. А теперь – всем радоваться!

Никто не посмел перечить Мастеру.

Радость волной цунами накрыла оба только что образовавшихся государства. Отголоски этой радости достигли даже сопредельных держав. Радовались везде. В Городе-у-Топи же радовались особенно. Всеобщая радость наложилась на радость местную.

Молодой человек, все еще стоя на телеге, выслушивал накопившиеся проблемы местного населения. В голове его уже созрел в общих чертах план спасения Города-у-Топи. Спасения от всего. От налогов, от нерадивого правления, от безучастных священников, от жадных торговцев и от себя самого. А также от наводнений, засух, землетрясений и многих других стихийных бедствий с гарантией на ближайшие пятнадцать лет. С возможным последующим продлением на льготных условиях.

Первым делом следовало решить самый больной вопрос утопцев: налоги. И молодой человек в зеленом, в талию, костюме справился с решением блестяще. Что государство облагает налогами? Верно, собственность. Личную, частную собственность. Значит, необходимо от этой самой собственности избавиться раз и навсегда. Только сделать это нужно так, чтобы собственности этой не лишаться. Как? Да очень просто! Вся собственность становится общественной, а бывшие собственники объединяются в Общество и радостно продолжают ею пользоваться. Чтобы ни у кого не возникло желание пользоваться общественным имуществом на халяву, все члены общества должны стать равноправными и равнообязанными. А кто не согласен – прочь из нашего города!

Утопцам новая концепция понравилась. Во всяком случае большинству. Бедняки и середняки поддержали единогласно. Зажиточный слой не столь активно. Явных противников перемен не наблюдалось. Еще бы! Никто из правления города на общий совет не явился. Поэтому новый строй приняли без их согласия, зато единогласно. Несогласные, предчувствуя скорые перемены, поспешили по домам – собирать самое ценное, чтобы под покровом ночи незаметно покинуть Город-у-Топи.

Это было только начало. Следующим пунктом на повестке дня стал полный отказ от денег. Ведь налоги взимаются, исходя из ценности имущества. И исключительно звонкими монетами. Нет денег – нет налогов. Все предельно просто! Кроме того, исключение финансовых отношений внутри Общества способствует равенству и сплоченности.

Разумеется, теперь возникли вопросы у торговцев. Им быстро разъяснили, что торговля – пережиток прошлого, теперь все общественное. Каждый обязан посылно преумножать и в праве полноценно пользоваться. Для торговли же с остальным отсталым миром можно создать общественную кассу. На первое время. Позже осуществить переход на натуральный обмен, упразднив посредничество денег, как способа оценки вложенного труда и потраченного времени.

Еще несколько семей срочно покинули площадь.

Тем временем обсуждение добралось до властей. Всю структуру управления немедленно предложили упразднить. Дословно: гнать в шею! Но сначала требовалось узаконить новый строй. И Общество в частности. А также переход всего имущества утопцев из личного в общественное. Для этого старые власти подходили как нельзя лучше. Чем утопцы и решили непременно воспользоваться. Но завтра. А то уже вечер на дворе.

– Лед т'онуля, това'ищи! Лед т'онулся! – провозгласил оратор и покинул импровизированную трибуну.

Всю ночь, не смыкая глаз, молодой человек провел за составлением документов. К утру были готовы Устав Общества и декреты о первых реформах. Себя молодой человек назначил общественным деятелем – должность вроде официальная, но ни к чему не обязывающая. Все формулировки были витиеваты и тонки, радовали глаз. Если тщательно не вчитываться, любой чиновник с удовольствием подпишет.

Новоиспеченный общественный деятель предстал перед Обществом в лице утопцев, готовых к радикальным переменам. Неготовые на рассвете покинули Город-у-Топи. В ратуше уже почувствовали неладное, но спастись еще не думали. Зря.

Молодой человек все в том же зеленом, в талию, костюме, влез на телегу, которую так никто и не удосужился убрать с площади и провозгласил:

– Заседание п'одолжается, това'ищи!

И с ходу зачитал подготовленные за ночь документы. Мало кто понял и половину, но одобрили все. Поддерживаемый толпой, общественный деятель направился к ратуше. Навстречу ему выходили градоначальник и все его подчиненные.

Документы были переданы. Документы были рассмотрены. Документы были подписаны.

Вся городская управа торжествовала, предвкушая, как возглавит новое Общество и в полной мере воспользуется всеми его благами. Общество тем временем отодвинулось от ратуши и постепенно выстроилось в длинную очередь, раскрутившуюся спиралью по всей площади. Люди по одному подходили к общественному деятелю, подписывали какие-то бумаги и довольные расходились по домам. Не прерываясь ни на миг, действие продолжалось до позднего вечера.

Мысленно потирающие руки господ чиновники пристально наблюдали за происходящим. Даже обедали на ступенях ратуши, лишь бы не пропустить исторический момент окончательного образования Общества.

Исторический момент неминуемо наступил. Последний гражданин поставил подпись, передавая все личное имущество в общественное пользование. И, довольно улыбаясь, покинул площадь. По мнению градоначальника, именно сейчас следовало приступить к возглавлению. Заручившись поддержкой чиновного аппарата, он направился к общественному деятелю. Тот неторопливо укладывал бумаги и письменные принадлежности в кожаный саквояж и делал вид, что не замечает приближающуюся делегацию.

Градоначальник покашлял, привлекая внимание общественного деятеля:

– Молодой человек! Город-у-Топи в моем лице благодарит вас за создание Общества и готов принять всю тяжесть правления...

Молодой человек не дал ему договорить:

– Город-у-Топи не нуждается ни в вашей благода'ности, ни в вашем п'авлении, ни в вашем лице.

– Как это? – опешил градоначальник.

– Очень п'осто. Обществу не т'ебуется п'авление. Оно само собой уп'авляет. Вы можете стать частью Общества и п'инять участие в его судьбе.

– Мы готовы, – неуверенно произнес кто-то из делегатов.

– К чему? К отказу от личного? От собственного имущества, от собственных мелочных интe'есов? Готовы ко всеобщему 'авенству? Вы не похожи на таких людей. Вы готовы п'иносить максимум пользы Обществу, не г'ебуя взамен благода'ности и наг'ад? Готовы пользоваться благами Общества в 'авной ме'е с остальными? Не готовы, по глазам вижу. Лучшее, что вы все можете сделать для Общества – незаметно исчезнуть. Иначе Общество само от вас избавится.

– Как ты смеешь! Мы наделены властью!

– Были наделены. Тот, кто вас ею наделил, далеко. А Общество 'ядом – улыбнулся общественный деятель.

– Это бунт!

– Это 'эволюция. И она све'шилась. Пока что сове'шенно беск'овно – молодой человек подмигнул, закрыл саквояж и пошел прочь.

На следующее утро молодому человек, принявшему на себя, как оказалось, весьма непростую роль общественного деятеля, пришлось противостоять натиску представителей духовенства. Молодой священник отыскал его на площади и предал приглашение в храм. На что получил краткий ответ:

– Вам надо, вы и п'иходите. Обществу сейчас не до 'елигии!

Обществу сейчас вообще ни до чего не было дела. Оно готовилось к празднику. К первому общественному празднику. На площадь выносились теперь общественные столы и скамьи, накрывались в одночасье ставшими общественными скатертями. Общественную посуду наполняли общественные праздничные блюда. Каждый член Общества старался показать себя наиболее полезным. И всем поголовно это удавалось! Никогда прежде в Городе-у-Топи не случилось подобного пиршества. После, впрочем, тоже.

Потому, что первым произносить речь попросили общественного деятеля. И он произнес.

– Г'аждане! Го'ожане! Това'ищи! Д'узя! Общество победило! Позд'авляю вас! Тепе'ь мы сами 'ешаем нашу судьбу! Никто нам не помеха! Этот го'од наш! П'едлагаю отныне так его и называть – Наш го'од!

Под одобрительные радостные крики молодой человек пригубил кубок. И больше к спиртному в тот вечер не прикасался. Неспроста. Он ждал скорого появления неожиданных и незваных гостей.

Гости не заставили себя ждать. Под ритмичные степенные удары переносного колокола на площадь ступила процессия. Во главе ее шествовал монах в черной сутане со штандартом в руках. Следом попарно двигалась дюжина священников с толстыми свечами. И лишь за ними тяжело ступал настоятель храма. Был он объемён и улыбочив. До встречи с общественным деятелем.

Молодой человек заранее покинул почетное место во главе стола и встретил процессию на краю площади:

– Доб'ый вече'! С п'аздником!

– И тебе здравствовать, сын мой! – благосклонно отвечивал настоятель.

– Спасибо! Но я, увы, не имею чести состоять с вами в 'одственных связях.

– Все мы дети Господа.

– В таком случае, мы с вами можем быть максимум б'атьями.

Заявление поставило настоятеля в тупик. Некоторое время он молчал, потом вновь улыбнулся, но уже не так уверенно:

– Что ж, с этой точки зрения я прежде вопрос не рассматривал. Хорошо, давай поговорим, как брат с братом.

– Давай, – легко перешел на «ты» молодой человек, – о чем же будет наш 'азгово'?

– Церковь в моем лице готова внести свою лепту в становление нового Общества, – решил действовать напрямую священник, – досконально известно, что без истинной веры человечество обречено прозябать...

– Я с тобой совершенно солида'ен. Истинная ве'а к'айне необходима. И ве'а эта – в светлое будущее!

– Светлое будущее под знаменем закона божьего!

– И почему опиум для на'ода?

– Скажи наркотикам: «Нет!» – глаза священника грозно сверкнули.

– Именно это Общество и сказала. 'абство – вот самый ст'ашный на'котик. Неважно 'абство госуда'ственное или божье. Мы – не 'абы, 'абы – не мы! В Нашем го'оде свободное Общество! Мы не стадо и в пасты'е не нуждаемся, благода'им за п'едложение!

Настоятель впал в ступор. Он разинул рот и часто моргал. Но общественный деятель не дал ему опомниться:

– Ступайте, б'ат мой, подоб'у-поздо'ову, не п'о вас наш общественный п'аздник! А'иви-де'чи!

Молодой человек вернулся к столу, поднял бокал и провозгласил очередной тост:

– Впе'ед в светлое будущее, това'ищи!

А что же городской волшебник?

Никто его не прогонял. Не успели. Гораздо позже общественный деятель создал миф о великом подвиге Общества. На самом деле в злополучный четверг, незадолго до появления в Городе-у-Топи молодого человека в апельсиновых штиблетах на босу ногу к магу пришел Мастер.

Мастер, как обычно, не стучал и не ждал приглашения. Мастера вообще не жалуют двери. Он просто пришел. Сразу в кабинет.

– Здравствуй, Горын!

– Здравствуй, Мастер! Что-то случилось или что-нибудь произойдет?

– И то, и другое.

– Начни с плохого.

– Почему с плохого?

– Потому, что, когда приходит Мастер, ничего хорошего не происходит.

Волшебник Горын, как обычно, оказался прав.

– Сюда идет Мастер.

– Так ты уже вроде здесь. Или я чего-то не понимаю?

– Скоро в Город-у-Топи войдет еще один Мастер. Только он еще не понимает своей сути. Но уже интуитивно стремится создать собственный мир. И начнет он именно отсюда.

– Почему ты так уверен?

– Место подходящее. Нестабильное. Пограничное состояние, тонкий баланс. При этом готовая база с населением и инфраструктурой. Есть от чего отталкиваться и – главное – к чему стремиться.

– И к чему же стремиться?

– Каждый Мастер – загадка. Никто не угадает, что он задумал. Даже другой Мастер. А уж в нашем случае... И откуда он здесь только появился! – тяжело вздохнул Мастер.

Горын молчал в ожидании следующей порции информации. Мастер не разочаровал:

– Пропал Город-у-Топи. Уходить тебе надо. Немедленно.

– Как? Вот так, все бросить?

– Именно так. Сам не уйдешь – выживут. Кому, как не тебе, знать о возможностях Мастера! А теперь представь, что возможности у человека имеются, но он о них не подозревает

и пользоваться правильно ими не обучен. Он просто делает, и у него все вдруг получается! Скоро тут такое начнется!

– Тогда мне ни в коем случае нельзя оставлять дом! Здесь библиотека, лаборатория, артефакты. Нельзя допустить, чтобы в доме волшебника хозяйничали посторонние! Это обычно печально заканчивается.

– Здесь я с тобой полностью согласен. И именно поэтому тебе нужно уходить. О безопасности позабочусь я.

– Как?

– Единственным доступным мне способом. Зато надежным на все двести пятьдесят процентов.

Горын недоуменно смотрел на Мастера. Мастер оценивающе глядел на волшебника:

– Готов? Терпеть не могу им пользоваться. Но сейчас другого выхода нет, – он глубоко вздохнул, – Мастерским Произволом ни один утопец не проникнет в этот дом!

Волшебник исчез. Он ведь тоже был утопцем.

Мастер осторожно вынул из-за пазухи внушительный сверток и аккуратно водрузил на стол. Развернул сначала кожу, затем пуховый платок. Внутри оказалось очень большое яйцо.

– Теперь ты в полной безопасности, можешь смело вылупляться! – обратился к яйцу Мастер.

Яйцо треснуло.

– Что-то долго соединение идет, – Горыныч прервал рассказ и внимательно изучил листок с недавно составленной им формулой, – Я совсем забыл! Для завершения операции необходима перезагрузка. А ты счастливчик – с первой попытки получилось. Я свою карту памяти раз пять загружал. Значит, так. Перед сном положи это, – он протянул Ивану тонкую пачку бумаг, – туда, где точно найдешь. Не удивляйся, если утром карта памяти будет выглядеть иначе.

– Как иначе?

– Вот так, например, – ящер запустил руку в ящик стола и, не глядя, достал странный предмет. Больше всего он напоминал гребень. Только нарисованный сусальным золотом на странном зеленоватом полупрозрачном камне. Иван припомнил картинку из курса «Магические особенности камней». Так выглядел малахит. Малахитовую пластинку кроме золота украшали темно-коричневые невзрачные прямоугольники и вкрапления разных цветов.

Позволив юноше налюбоваться вдоволь, Горыныч вернул карту памяти на прежнее место и принялся расстегивать удерживавшие юношу ремни. Иван с довольным стоном потянулся. За время долгого повествования все его тело затекло. Неожиданно он зевнул и посмотрел в окно. За окном всю светила луна.

– Ты сказал, нужна перезагрузка, – напомнил Иван, – а как это?

– Как обычно. Когда ты засыпаешь, твой мозг отключается. А в момент пробуждения он включается снова. Все ненужные, временные воспоминания стираются. Не сразу, разумеется, некоторое время они хранятся отдельно. Но если ими долго не пользоваться... не обращал внимания, что вся бесполезная информация быстро выветривается из головы? Именно поэтому для закрепления знаний необходимо повторять и применять их.

– Значит, все, что я узнал сегодня, утром может забыться?

– Теперь у тебя есть карта памяти. На ней информация хранится довольно долго. И помещается весьма много. И ты уже сам решаешь, что на ней оставить, а что удалить. Главное не запикивать на нее все подряд. При необходимости вспомнить что-то важное, достаточно к ней прикоснуться, а порой просто посмотреть на нее. Вот и все. Сейчас это твоя главная защита от вечного четверга. Жесткий диск мы тебе тоже сделаем, но это долгий процесс – без карты памяти половину нужного попросту забудешь из-за постоянных перезагрузок Матрицы.

Иван перелистывал бумаги, врученные Горынычем. И ничего в написанном не понимал. Там было много цифр, непонятных слов и неизвестных юноше символов. И куда ему эту кипу девать? Ни в один карман не поместится! Он вспомнил про котомку «БМВ х5». Она так и висела через плечо, совершенно не мешая, гармонично вписываясь в образ Ивана-путешественника. Даже Горыныч обратил на нее внимание, лишь когда Иван стал запихивать в нее бумаги.

– «БМВ х5»? А ты неплохо устроился! Я про них только читал.

– Это мне отец подарил. На прощанье.

Ивану вдруг стало грустно. Он вспомнил дом, провожающих его родителей. Змеепод словно прочел его мысли:

– Все будет хорошо. Вместе мы наверняка придумаем, как выбраться из этой ловушки.

Он приобнял юношу за плечи и повлек в гостиную, приговаривая:

– Сейчас чаю попьем и баиньки. Утро вечера мудренее.

Утро началось, как обычно, с приветствия приглядывающего Сокола:

– Добренькое утречко, Иван! Поторопись, а то все самые общественно полезные дела расхватают!

Иван сонно заморгал. Сегодня он смутно помнил. Помнил, что вчера был, кажется, четверг, и что сегодня, кажется, тоже четверг, и завтра, кажется, тоже будет четверг. И еще он помнил, что должен что-то обязательно сделать, сразу же, как проснется. Но что? Позавтракать? Почистить зубы? Отправиться в службу занятости? Нет, все не то.

– Я что-то должен сделать, – ни к кому не обращаясь, произнес юноша.

Сокол решил, что обращаются к нему:

– Возможно, сменить носки?

– Это, кстати, тоже, – неуверенно кивнул его невольный постоялец и потянулся к котомке. Однако вместо носков рука нащупала непонятный предмет. Небольшой плоский прямоугольник, слегка шероховатый на ощупь. С одним срезанным уголком. Иван вытащил предмет. Он был черный и легкий. С одного края действительно не хватало уголка, на противоположном виднелись медные полоски. И тут Иван вспомнил все. Словно громом пораженный, он озираясь по сторонам.

– С тобой все в порядке? – испугался приглядывающий.

– Д-да, – с трудом кивнул юноша, – ты, Сокол, иди, я скоро догоню.

Догонять его Иван не собирался. Он вновь отправился в таинственный особняк. Предстояло еще столько узнать, столько понять, столько сделать! Вчера Иван почувствовал вкус знаний. Не пыльных, залежавшихся на полке отцовской библиотеки, давно утративших всякий вкус знаний, полученных другими и законсервированных в толстых фолиантах, нет. Это был удивительный и неповторимый вкус, какой способен отведать лишь первооткрыватель. Хотя, пожалуй, даже и не вкус еще – ведь Иван пока что ничего не открыл. Это предвкушение, щекочущий аромат тайны, к которой ты подобрался совсем близко. Нужно лишь немного подождать, еще чуточку потерпеть противный привкус застарелой информации, переварить ее. И тогда на десерт получишь такое!

Иван замер у распахнутой калитки. Новое состояние было непривычно, но однозначно приятно. Особенно, щекочущее ожидание чуда. Пускай, для начала, маленького, почти неосязаемого, но чуда! Ведь, если чуду не дать зачахнуть на корню, а наоборот, удобрять и взращивать, оно несомненно даст плоды. И чудес станет невероятно много! Наверное, именно так ощущается вдохновение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.